

То тепло и чувство удовлетворения, что подарила та глубокая ночь с порцией вонтонов, еще два дня согревали сердце Гу Чуюй. Она чувствовала себя сытым, ленивым и довольным котенком.

Она купалась в этой исключительной снисходительности, и вся ее натура излучала нежное, избалованное сияние.

Однако это ощущение начало увядать, когда Цзин Мяои в очередной раз из-за внезапной международной видеоконференции отменила поход на выставку нового искусства, куда обещала ее сопровождать. На смену неге пришло привычное, гнетущее чувство, будто ее оставили на обочине.

Сестра Мяои снова занята.

У нее всегда бесконечные совещания, горы документов и встречи, которым нет конца.

Гу Чуюй обхватила колени руками, свернувшись калачиком на диване в гостиной, и смотрела, как за окном сгущаются сумерки. В вилле стояла такая тишина, что был слышен каждый ее вдох.

Эта тишина пугала.

Ей хотелось сделать хоть что-то, чтобы разорвать гнетущую пустоту, чтобы вновь завладеть вниманием Цзин Мяои, пусть даже на мгновение.

Она вспомнила, как пару дней назад вскользь упомянула, что ищет редкое издание книги по оценке антикварных украшений. Тогда Цзин Мяои лишь сухо ответила «угу» и больше ничего не сказала. Быть может... книга уже найдена и лежит в кабинете?

Стоило этой мысли возникнуть, как она стала неудержимой.

Она знала, что в кабинет Цзин Мяои посторонним вход воспрещен, но ведь она — другое дело, верно? Она — Гу Чуюй, то самое исключение, которому позволено всё.

Эта мысль об «исключении», словно искушающая рука, заставила ее встать с дивана. Босиком, легкая, как кошка, она бесшумно поднялась на второй этаж.

Дверь в кабинет не была заперта.

Она слегка толкнула ее, и в лицо пахнуло знакомым ароматом — холодным запахом книг и едва уловимым оттенком чернил. Это был запах, принадлежавший только Цзин Мяои.

Кабинет был просторным, но обставлен предельно минималистично. Огромный стол из черного ореха стоял напротив панорамного окна, по обе стороны — стеллажи до потолка, на которых в строгом порядке выстроились книги и папки с документами. Все вокруг дышало безупречной строгостью и холодом.

Взгляд Гу Чуюй скользил по полкам в поисках той самой книги.

Ее движения были небрежными, пальцы касались корешков. Внезапно внимание привлекла картина, висевшая на стене за столом.

Картина выглядела старой, рама из простого необработанного дерева казалась чужеродной среди дорогого убранства кабинета. Сюжет был незамысловат: туманный берег озера, слабо мерцающий в полумраке, и неясный силуэт ивы. Настроение у картины было безмятежным и... бесконечно печальным.

Непонятно почему, но эта неприметная картина вызвала у Гу Чуюй странное беспокойство.

Она висела там, словно безмолвная тайна, в которую ей не было доступа.

В этот момент она случайно задела локтем хрустальный стакан для ручек на краю стола.

Раздался резкий звон!

Стакан упал на ковер, не разбившись, но ручки и изящный нож для бумаги рассыпались в стороны. Хуже того, ее рука в попытке подхватить стакан задела открытую бутылку дорогих темно-синих чернил.

Бутылка опрокинулась, и густая, почти черная жидкость хлынула потоком, заливая документы на столе, а затем, капля за каплей, стекая вниз, точно попала на старую картину!

Темно-синие пятна быстро расползлись по полотну, отравляя безмятежный берег, размывая контуры ивы и безвозвратно уничтожая гармонию картины.

Гу Чуюй застыла, ее лицо вмиг стало мертвенно-бледным.

Она смотрела на изуродованное полотно, и в голове была лишь пустота.

Все кончено.

Она натворила бед.

В этот момент дверь бесшумно отворилась.

Цзин Мяои, очевидно, услышав шум, закончила совещание и пришла проверить, что случилось. Она была по-прежнему в строгом костюме, длинные прямые волосы безупречно лежали на плечах.

Ее взгляд сначала упал на испуганное личико Гу Чуюй, затем медленно опустился на беспорядок на полу и, наконец, замер на испорченной картине.

В ту же секунду Гу Чуюй почувствовала, как воздух в комнате стал холодным и вязким, словно температура упала на несколько градусов. Ей стало трудно дышать.

Цзин Мяои молчала.

Она даже не шелохнулась.

Но Гу Чуюй видела, как ее холодные, прозрачные глаза при виде картины сузились, а взгляд стал ледяным, будто мгновенно замерзшая вода. В нем клубилось нечто, чего Гу Чуюй никогда прежде не видела — шок, ярость и... почти болезненный надлом.

Этот взгляд был страшнее любых упреков.

Гу Чуюй оцепенела. Она инстинктивно отпрянула, ее хрупкое тело мелко дрожало, а в глазах, как у испуганного олененка, мгновенно скопились слезы.

Она ждала.

Ждала, что Цзин Мяои, как обычно, со вздохом подойдет, потреплет ее по голове и скажет: Ничего страшного.

Или хотя бы просто холодно посмотрит и позовет прислугу убрать.

Но ничего не произошло.

Цзин Мяои так и стояла, не сходя с места, впившись взглядом в картину. Ее челюсть была плотно сжата, профиль казался высеченным из камня. Низкое давление, исходившее от нее, казалось, заморозило весь кабинет.

Время словно растянулось, а может, прошло лишь мгновение.

Когда Гу Чуюй уже была готова рухнуть под гнетом этого ужасного молчания, Цзин Мяои

наконец двинулась.

Очень медленно, шаг за шагом, она подошла к картине.

Она протянула руку, кончики пальцев едва не коснулись испачканного места, но в последний момент она резко отдернула их и сжала кулаки так сильно, что костяшки побелели.

Гу Чуюй видела, как она зажмурилась, и длинные ресницы отбросили тень на лицо. Когда она открыла глаза, буря эмоций была подавлена, остался лишь бездонный холод.

Она повернулась к Гу Чуюй.

Взгляд был пустым, отчужденным, пронизанным ледяным равнодушием.

— Выйди.

Всего одно слово.

Голос негромкий, без единой интонации.

Но оно пронзило сердце Гу Чуюй, словно ледяной кинжал.

Ни упреков, ни расспросов — лишь холодное, лишенное чувств слово.

Слезы хлынули из глаз Гу Чуюй. Она открыла рот, хотела что-то сказать, извиниться, объяснить, что не хотела этого.

Но под ледяным взглядом Цзин Мяои она не смогла вымолвить ни звука.

Словно невидимая сила вытолкнула ее из кабинета, она, спотыкаясь, побежала вниз, не оглядываясь.

В ту ночь Гу Чуюй заперлась в гостевой спальне и рыдала, не в силах остановиться.

Не от страха, а от обиды и необъяснимой паники.

Сестра Мяои никогда так на нее не смотрела.

Даже если она капризничала, Цзин Мяои максимум молчала или смотрела тем самым

снисходительным взглядом, видя ее насквозь.

Но сейчас все было иначе.

Та картина... она была для нее очень важна.

Это осознание давило на сердце тяжелым сырым комом.

Следующие полдня Гу Чуюй провела как на иголках.

Она не смела искать Цзин Мяои, не смела даже выйти из комнаты. Атмосфера на вилле стала удушающей. Прислуга ходила на цыпочках, даже дядя Чэнь выглядел более суровым, чем обычно.

Она думала, что Цзин Мяои придет, будет злиться, будет... хоть что-то делать.

Но ничего не происходило.

Цзин Мяои словно забыла об этом инциденте или забыла о самой Гу Чуюй, не выходя из кабинета.

Такое молчаливое игнорирование было невыносимее любого наказания.

На следующий день Гу Чуюй, с опухшими глазами, долго собиралась с духом, прежде чем снова подойти к кабинету.

Она хотела извиниться.

Неважно, насколько важна была картина, она хотела попытаться все исправить.

Дверь была приоткрыта.

Она глубоко вздохнула и тихо толкнула ее.

Утреннее солнце пробивалось сквозь огромное окно, заливая комнату теплым золотом.

Цзин Мяои не было.

Взгляд Гу Чуюй машинально устремился на то место, где висела старая картина.

И замерла.

Старой картины, испорченной чернилами, больше не было.

Вместо нее висело новое, невероятно детализированное полотно — звездное небо.

В глубокой синеве ночи мерцали звезды, струился Млечный Путь, а яркий метеор оставлял длинный сияющий хвост. Цвета переходили один в другой так естественно и сказочно, что казалось, каждая звезда излучает свет.

Это был ее любимый узор звездного неба.

Она не раз говорила Цзин Мяои, как здорово было бы иметь свое собственное небо.

Гу Чуюй замороженно подошла к картине, задрал голову, не в силах отвести взгляд.

Это было так красиво, почти нереально.

И... краска, казалось, еще не до конца высохла.

Невероятная мысль, словно молния, пронзила сознание.

Неужели...

В этот момент позади послышались легкие шаги.

Гу Чуюй резко обернулась.

Цзин Мяои стояла в дверях. Она переоделась в чистую светло-серую шелковую рубашку, лицо по-прежнему оставалось холодным и прекрасным, но под глазами залегли едва заметные тени усталости.

Она смотрела на Гу Чуюй спокойно, словно вчерашнего срыва и не было вовсе.

Сердце Гу Чуюй бешено колотилось. Она указала на картину, голос дрожал от волнения и неуверенности:

— Это... ты нарисовала?

Цзин Мяои не ответила.

Она даже не взглянула на картину, а просто прошла к столу, села и взяла документ, спокойно перевернув страницу.

Утренний свет подчеркивал идеальный профиль — холодный, величественный, недостижимый.

Словно та женщина, что вчера превратилась в лед из-за испорченной картины, была лишь ночным кошмаром.

Словно эта картина с невысохшей краской, ее самое заветное желание, появилась из ниоткуда как чудо.

Но Гу Чуюй знала — это не так.

Она смотрела на невозмутимую Цзин Мяои, на ее холодный профиль, а затем снова на сияющее звездное небо, написанное ради нее.

Странное, сложное чувство, словно лианы, обволокло ее сердце.

Кисло-горькое, но с привкусом невыразимой, тайной сладости.

Она уничтожила то, что было ей дорого.

А она в ответ подарила ей целую вселенную.

Сестра Мяои...

Какую тайну ты скрываешь в своем сердце?

И кто же я... в конце концов, для тебя?

<http://bllate.org/book/19581/1920140>